

Голосъ въ защиту отъ „Голоса въ защиту русскаго языка“.

Wär der Gedank nicht so verwünscht gescheidt,
Man wär versucht ihn herzlich ~~dumm~~ zu nennen.
Schiller (*Wallenstein*).

Но умысль другой тутъ былъ:
Хозяинъ музыку любить...
Крыловъ (*Музыканты*).

Должно однако жъ замѣтить, что литературныя несогласія того времени были не иное что, какъ рыцарскіе поединки, въ которыхъ дѣйствовали однимъ законнымъ и честнымъ оружіемъ; тогда искали торжества мнѣнію своему, хотѣли выказать искусство свое, удовлетворить нѣкоторой удачности ума, искавшаго въ подобныхъ **сшибкахъ** случайностей, гласности и блеска. По вышеприведенному замѣчанію, что у насъ тогда было болѣе аматоровъ, нежели артистовъ, слѣдуетъ, что и въ сихъ распряхъ выходили другъ противъ друга добровольные, безкорыстные бойцы, а не наемники, которые **растутъ** изъ денегъ, нападаютъ сегодня на того, за котораго дрались вчера, торгуютъ равно и присягой, и оружіемъ своимъ и за бесиліемъ своимъ въ бою на чистоту, готовы прибѣгать ко всемъ пособіямъ предательства. Убѣгая съ открытаго поля битвы, поруганные и уязвленные побѣдителемъ, они не признаютъ себя побѣжденными: если стрѣлы ихъ не мѣтки и удары не вѣрны, то они имѣютъ въ запасъ другое оружіе, потаенное, ядовитое, имѣютъ свои неприступныя засады, изъ коихъ поражаютъ противниковъ своихъ навѣрное.

Князь Вяземскій (*Библиографическія и Литературныя записки о Фонвизинѣ и его времени, помѣщенные въ Утренней Зарѣ 1841 года*).

Всѣ согласны въ очевидности успѣховъ нашей литературы. Каждая эпоха ея имѣла своихъ достойныхъ представителей: настоящая имѣетъ своихъ, и въ этомъ отношеніи ей нечѣмъ гордиться передъ своими предшественницами. Но она имѣетъ полное право гордиться передъ ними своей зрѣлостью. Съ годами она стала мужественнѣе, опытнѣе, умнѣе. И если она пережила не слишкомъ много годовъ, зато въ пережитые ею немногіе годы подвергалась многимъ неожиданнымъ измѣненіямъ, перепробовала много новыхъ путей мысли и формы; это принесло ей ту великую пользу, что «новость» мысли или формы она уже не принимаетъ больше за достоинство этой мысли или за достоинство этой формы. Съ литературой, естественно, возмужала и публика. Теперь посредственность тщетно стала бы рядиться въ павлиньи перья изысканной оригинальности, ложнаго пафоса, блестящей фразеологии: время успѣховъ ея миновало. Рассчетливое корыстолюбіе, въ связи съ добродушной ограниченностью, тщетно стало бы теперь надѣвать на себя маску изступленнаго фанатизма; оно никого не увѣритъ въ глубокости своихъ убѣжденій, въ которыхъ

всѣ увидятъ одно только низкое лицемѣріе. Старый, выписавшійся сочинитель можетъ теперь, сколько ему угодно, нападать на талантъ и геній, на убѣжденіе и заслугу, и хвалить самого себя и свои сочиненія: отъ этого ни ему, ни его сочиненіямъ не будетъ лучше, такъ же, какъ не будетъ хуже ни таланту, ни генію, ни убѣжденію, ни заслугѣ. Имена потеряли теперь все свое очарованіе. Публика восхищается сочиненіями, а не именами. Кто бы ни издалъ для нея сборникъ хорошихъ статей, — если статьи хороши, она раскупаетъ сборникъ, хотя бы его издатель былъ вовсе ей неизвѣстенъ; если статьи плохи, она не покупаетъ сборника, хотя бы его издатель былъ презнаменитое лицо въ литературѣ и подъ статьями сборника тоже выставлены были громкія имена. Если бы гениальный писатель вдругъ издалъ что-нибудь недостойное его таланта и имени, это сочиненіе безъ всякихъ обиняковъ было бы названо всѣми посредственными или плохимъ. Новый талантъ, великій или обыкновенный, можетъ теперь смѣло выходить на литературное поприще безъ журнальных и всякихъ другихъ протекцій: онъ сейчасъ же будетъ